
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

А книжка-то,
а книжка-то — истощалась,
тлела-таяла
на руках-реках
мостом подвесным,
по которому
раньше ходили
с пищалью,
позже — с розой
белой,
потом — с бубном,
с бутылью,
с холщовой сумой,
но с умным
видом,
а теперь вот —
иной с правой ноги,
другой — с левой:
какой-никакой выбор.

Мелькала кириллица
прореженным
перелеском.
Хвойный колокол
переходил
на безлиственный тон,
когда догулявшийся август
чах стихающим
всплеском,
так и не взяв нас
в толк
при обоюдной
астме.

Таяла-тлела книжка —
чужим голосом,

Андрей Дмитриев родился в 1976 году. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях «Полутона», «Этажи», «Артикуляция», «45-я параллель» и «Литература», в альманахе «Новый Гильгамеш», в журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Prosōdia», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон», «Луч» и других. Автор четырех сборников стихов. Живет в Нижнем Новгороде.

нашедшим себе причину,
и что-то осыпалось,
как перезревшие яблоки
на вязкую землю,
ставшую вдруг с овчинку —
то есть сызна
готовой под единственный стебель.

* * *

Шаткому табурету
не знать ли
судьбы постамента.
Дощечка с дощечкой
общего гвоздика не нашла,
но ты взбирайся, давай
прочти нам стишок
про уходящее лето,
прицепив к наплывающей туче
хвостик плюшевого осла...

Грызли гроздь,
цедили соки,
заговаривали больной зуб
и считали тонкое дело —
искомым востоком,
вышибающим
ловким ударом слезу.

Шаткому табурету
поют многие лета,
а дел-то едва ль на неделю —
топор, веер щепок,
железная печь.
Позвони, когда слезешь
в физическом
или астральном —
а может, абстрактном —
теле,
расскажешь,
о чем была,
собственно, речь...

* * *

Чем-то железным
перемешивают,
перемешивают,
и субстанция
становится бурой
и вязкой...

— Ты это про небо?
— Нет, про
столовский кисель.
Кажется, стала черней
арматура,
торчащая веером
из глыбы бетона —
стылой грибницы
строительных касок...

— Вот кстати,
еще не про небо:
не пришло SMS
о доставленном SMS.
— Проверил баланс?
Город, как мох,
с севера влез
на древесину
предместий,
есть, значит, шанс
по нему
вычислить азимут
и выйти
к финалу пьесы
к заученной фразе:
мы — вместе.

Чем-то железным
мешали,
мешали
и вылили нам
на головы,
что-то закоротило
и треснуло
нервом
двужильным,
взятым сырой и голой
рукой.
А вот это уже про небо —
редко выходит
одной строкой...

* * *

Мазай замазал
заячьим паштетом
все трещины
былой литературы
и вышел в навигацию

под скрип
уключин
с тактом половицы,
фиксирующей
наши расхождения
туда-сюда
по комнате,
что показались лучше
того, что просто длится.

Но мы впотьмах —
в глухом, сухом аду
или остатке.
Сигнальная ракета
класса «воздух»
взметнулась,
не имея нас в виду,
ведь явно и без нас
все ковыряния небес
насмарку.

Что ж, скоро лед
сомкнет свои уста,
и даже у Мазаля
с его диким,
но земляничным
чувством красоты
не хватит нот,
чтоб положить в кусты
на музыку
священные улики.

И тополя
прервали буйный рост,
нащупав корнем
пуговину смысла.
Греби, Мазай,
до отраженных звезд,
пока от скуки
заячья капуста
не прокисла...

* * *

Горацио,
этот мозаичный
авангард
раз двадцать
уже представлен
на публике
в том же подвале.

Старый пес,
задуманный
только о трех ногах,
должен был вызвать
боль или страх,
а вызвал опять-таки смех,
поэтому сам решай,
провал или успех.

Горацио,
уровень радиации
говорит
о значительном выбросе.
Винный режим
не смягчает вины.
Свинцом
перепаяны платы.
Ну что ты заладил:
в Москву да в Москву...
Столько микстур
и рыбьего жира
в лютую зиму
не выпишет льготно
чувство столичности,
которое станет
в итоге
еще одной
вредной привычкой.

С другой стороны,
друг Горацио,
обладай душа грацией
и без внутренней эмиграции
кружила бы нас
легким пеплом
из печки,
беременной черным хлебом,
как ни казалось бы
все нелепым...

* * *

Вышли из микроволновки
уже без упаковки.
Быстро и ловко.
Вроде бы
со вкусом морковки,
лука и
каких-то там специй,
если считать
молодость —

торопливым
процессом готовки,
что шеф-повар, естественно,
сочтет за кошунство —
какое ж, мол, это искусство
выбрать режим
и время,
чтобы всего лишь
пальцем большим
захлопнуть дверцу,
заставив нечто холодное
вертеться и
греться...

Но некогда было
возиться с рецептами,
а потом —
уж слишком кусачие цены
на качественные продукты,
тем более — деликатесные.
Кулинария — наука
для богатых не только душой,
но и делом,
с кучей свободной жизни.
Так что выставили режим,
в СВ-печь положив
купленный в продуктовом отделе
кусочек общедоступной пищи.
Просто, как выдавить прыщик.

Никакой культуры
в остром и тонком соусе
философии
и эстетики,
никакого духа,
парившего над водой,
в которую сыпали позже
свой растворимый кофе
из шелестящих пакетиков
охранники на проходной,
никаких растительных соков,
несущих по стеблю
от солнца благую весть,
хотя заверяют:
в целом приемлемо,
если по-зверски —
как ничего более —
банально
хочется есть...